

Визит

К Илье Глазунову

Дайджест очерка, написанного эмигрантом из СССР, приехавшим на родину в качестве участника Московской международной книжной выставки-ярмарки.

...К Илье Глазунову я ехать не собирался. Но В. А. Коротич с некоторой даже настойчивостью повторял: «Будет интересно — и полезно».

Виталий Алексеевич оказался более, чем прав. И. С. Глазунов — и все его окружение, вещественное и человеческое, — оказались жутко интересными, причем определение «жутко» отчасти следует воспринимать в его номинативном значении.

Гостиня Ильи Глазунова являла собою сплошной русский ампи́р. По стенам висели портреты императоров. И. С. в превосходной серой тройке с шелковой «ласточкой» в кармашке покуривал «Мальборо».

Уселся на кухню. С полною, свободною употреблѣя слова вроде «господин», «Санкт-Петербург», то есть все то, на чем по обыкновению записываются даже неопиты со стажем, И. С. представил нам своих учеников — молодых художников Сергея Ефошкина и Алексея Стиля (молодые были одеты в той же манере, что и сам Илья Сергеевич; чуть позже я сообразил, что это была отчасти униформа, противопоставленная джинсам, майкам с надписями, нарочитой равнине современных одежд; впрочем, выглядело все это изящно и ненасильственно).

Разговорить Глазунова, как всякого куртуазного человека с публично обнаженной биографией, было, разумеется, нетрудно, — а вот по-настоящему растормозить, заинтересовать разговором — очень тяжело.

В беседе со мною Глазунов был не то чтобы откровенен или скупен, о нет! — но слишком предсказуем: практически он не произнес ни единого изумляющего слова, ничего такого, чего бы нельзя было от него ожидать. Разумеется, глупо надеяться на какие-либо особые признания в данной ситуации. К тому же я не ставил оригинальных вопросов. Мой собеседник, целиком и полностью отождествляемый с русским делом, что бы под этим не подразумевалось, показался мне лишенным великой отличительной особенности русского человека: дара неблагоразумия.

Впрочем, я общался с Глазуновым не свыше трех часов — да к тому же в обстоятельствах, не благоприятствующих

сближению. Но все же, чтобы вот так ни разу не выйти за рамки!

Судите сами. — Я не был в России семнадцать лет. Приехал другим человеком. А Россия! То, что я слышал о вас, относится к неизменной части российской действительности за время моего отсутствия: Глазунов — глава русских правых, антисемит, шовинист. Насколько эта стойкая репутация соответствует действительности!

— Я считаю, что если мы говорим о русской культуре, мы должны прежде всего вспомнить чтимого мною, как пророка великого, нашего мыслителя Достоевского. Русская идея, это есть — как говорил Пушкин — всемирная отзывчивость и служение идеалам православия. Как говорил Достоевский, кто не православный, тот не русский. Но при этом скажу, что у каждого народа есть своя национальная культура, своя вера в Бога, своя религия... Случилось так, что всю мою жизнь, видя несправедливость, видя геноцид, проводимый по отношению к русскому народу, я старался протестовать. Я протестовал! — точно так же, как и по отношению к другим культурам. Например, когда я был во Вьетнаме, я видел, как изумительные скульптуры Будды скидывают в ров и говорят, что это построено при феодализме, зачем это сохранять?! — и я почти драгся! И мне сказали: «Вы понимаете, что вы больше за границу не поедете, зачем вы осоритесь с вьетнамскими коммунистами?»

Антисемит, говорите?! Антисемит — это тот, кто борется с евреями, с еврейской культурой. Я всю жизнь борюсь за русскую культуру и помогаю всем. Многие не знают, что я единственный русский художник — и еврейский художник! — который помог Юрию Шерлингу оформить еврейский спектакль «Черная уздечка белой кобылице», спектакль, который, как мне потом сказали в Академии художеств, куда меня не приняли, заканчивается гимном сионизму, то есть молитвой раввина. Спектакль потом сняли. Когда меня в шестой раз принимали в Академию и в шестой раз не приняли, один из скульпторов, Кербель, сказал, что Глазунов антисоветчик и антисемит, черносотенец и прочее. Тогда Барабаш из Министерства культуры сказал: «Как вам не стыдно! Он был во Вьетнаме, он только что помог сделать декорации для еврейского национального театра...» Тогда выступил второй (пауза. — Ю. М.) ленинец, Азгур, и сказал: «Я честный еврей-интернациона-

лист. Я партизан и коммунист. Я видел спектакль, оформленный им. Так мог оформить только сионист. Я голосую против него, потому что он является рупором сионистского подполья».

Я рисую, памятуя, что искусство есть язык для передачи высших духовных ценностей. И в этот момент нам предлагают кубики, шарики, авангардизм — я не против этого! — но я считаю, что очень легко нарисовать квадратик, три линии. И получается сейчас в советском искусстве большая неувязка! Мы ищем правду. А кто-то камень кладет в протянутую руку общества. Три линии, пять квадратов... И за это платят бешеные деньги, и мировая биржа поддерживает у нас именно это! А мы надеемся видеть в живописи понятие «возрожденной картины». И это многим не нравится, понимаете? Обо мне говорят черт знает что. Например, говорили раньше, что я — агент КГБ, но я выиграл процесс против некоторых людей из «третьей волны». И эта же банда внутри страны, не принимая меня в Союз и на выставки, говорила: кому нужны все эти цари, убиенные царевичи, эти Блоки, как это помогает строительству коммунизма? А как только я пересекал границу, эта же связанная между собою артистическая банда говорила: едет друг Брежнев (которого я никогда в жизни лично не знал, не видел, увы...). Я не отказываюсь ни от одного своего слова, ни от одного поступка, действия и не привожу в свое оправдание анекдот о колебаниях вместе с генеральной линией партии. То, чему я во многом отдал жизнь, теперь называется перестройкой: демократизация, свобода, уважение к национальным культурам — даже церкви перестали крушить. Я первый, кстати, бывал в свое время в Оптиной Пустыни, в Шахматове, которое тогда разрушали. Это теперь музей!

— Я примерно понимаю, что вы хотите сказать. Но все же — ведь не один Глазунов ратовал за сохранение памятников русского искусства и истории; но почему же именно вы притягиваете к себе такое противодействие со всех сторон! Вызываете на каждом шагу такое страшное раздражение!

— Вспомним слова Юлия Цезаря: «Если против тебя все, ты — самый сильный». Но только я, к сожалению, не самый сильный, потому что за меня — миллионы! Что бы там ни говорили, люди в шесть часов утра будут занимать очередь на мои выставки! Поганая советская критика говорит, что, мол, ко мне идут те, кто не попал в ГУМ. Возникает вопрос: выставок много, так почему же они идут все-таки ко мне? Вот вы сказали, что много людей выступает за сохранение памятников старины. А когда крушили Москву, четыре только человека писали письма в ЦК, а остальные боялись ротик раскрыть и все сегодняшние перестройщики подвывали: как хороша! будет новый коммунистический город! А мы вчетвером писали — и спасли церковь, которая находится на Калининском! И не только ее.

Если отвечать серьезно, моя идеология не устраивает тех, кто находится у

кормушки, поставленной властью. Если я существую, не имея ни одной Государственной премии, Ленинских, то...

— И все же, мне кажется это недостаточным и неокончательным ответом на мой вопрос. Россия разделяет страшную взаимную ненависть. По улицам Москвы хлещет бандитизм. Чем будем лечить? О живописи разговора не получится. И так, ваши лекарства — это...

— Отвечаю четко и лаконично: возрождением и свободой религии, которая должна быть у всех народов своя. А теперь, я надеюсь, что, наконец-то, дадут высказаться и молодым! — И. С. несколько раз порывался переместить мой микрофон в сторону присутствующих учеников, но я изо всех сил упирался: мне хотелось большего.

Привожу без комментариев. Художник Сергей Ефошкин: «Чтобы лечить болезнь, надо лечить не следствие, а причину. Я думаю, наше государство сейчас больно тем, что кидается излечивать следствие. Отвечая прямо на ваш вопрос — излечим ли? — я отвечаю: да, излечим. Потому что уже полгода работая с совсем молодыми в нашей Академии, мы видим то, что сотни идут к нам, несмотря на весь яд, который залиты их души. Они не идут в Суриковский, в Репинский, они не едут в Строгановку, а к нам».

Алексей Стиль — студент мастерской портрета Глазунова: «То, что сейчас происходит, это нормально, потому что закономерно. Это anomalно, но anomalность порождает anomalю. Семьдесят лет террора против личности! Мы говорим о терроре против общества, но что такое общество? Коллективистский подход к обществу «по головам» подавил личность, уничтожил человека. У нас уничтожен человек! — этот храм Божия, как говорит православие. До тех пор, пока личность не взломает эту систему — а она взломает!...»

Тут-то и началась классическая российская восторженно-горячая неразбериха, накал которой оъянил и намертво нелющего Глазунова. Во всяком случае, он доброжелательно засуетился и, словно цитируя соответствующие места Достоевского, приговаривал: «Вот он какой, Алеша наш! О! Молодцы наши они, как вы видите...» — и прочее в этом же роде. Зато знаменитая глазуновская мастерская — место, где он, как нам прошептали, «обдумывал образы», — и рассмешилась, и восхитилась; и ужаснула, и, главное, возвратила на землю. Эти без промежутков покрытые драгоценными иконами стены, эта роскошная, воспроизводящая аппаратура, исторгоющая — с полуслова — Великую Ектению, создавали, мягко говоря, настолько нецерковное впечатление, что становилось не по себе. Пусть и без нарочитой злой воли владельца, помещение это все же годилось на аэрофлотскую рекламу — в компании с недействующей моделью самовара, влекомого в расписной палехской тачанке вместе с бадьей икры и эндо-вой водки...

Ю. МИЛОСЛАВСКИЙ.

(«Русская мысль», Париж — ИМА-пресс).